

ГЕРАКЛИД ПО ПРОЗВИЩУ ЛЕМБ

М. В. ЕГОРЧКИН
Институт философии РАН (Москва)
egorochkin@iph.ras.ru

MIKHAIL V. EGORCHKIN
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

HERACLIDES CALLED LEMBUS

ABSTRACT. The Hellenistic statesman, scholar and historian Heraclides Lembus is a highly ambiguous and enigmatic figure. One of the most intriguing things is his nickname Λέμβος. According to Diogenes Laertius, it was given to him for his work Λεμβευτικός λόγος (D.L. V, 94). However, the meaning of Heraclides' nickname is difficult to understand, since Diogenes' testimony is the only one that mentions this work, and the word λεμβευτικός itself is a hapax. The article carefully examines all available evidence about the life and writings of Heraclides Lembus, using all relevant materials and parallels. As a result, the author comes to the conclusion that the title Λεμβευτικός λόγος did not have a figurative meaning, as has often been thought. Instead, the work in question was most likely dedicated to the ordinary λέμβος-sailing. As for Heraclides' nickname, it was not so much due to the writing of epitomes, as some scholars still believe, but to Heraclides' interest in secondary literature. Heraclides Lembus was probably the first to epitomize a secondhand rather than primary sources – a fact reflected in his remarkable nickname.

KEYWORDS: Heraclides Lembus, ancient scholarship, epitome, Greek nicknames.

Буквально каждое свидетельство о Гераклиде Лембе, эрудите и ученом писателе, жившем во времена Птолемея VI (180–145 гг. до н.э.), выглядит интригующе. Так, например, известно, что его отца звали Серапионом (*ΡΟχυ*. 1367, fr. 2; D.L. VIII, 7, 44 et 58; *Suda* Η 462).¹ Данное имя представляет собой эллинизи-

¹ Издания Гераклида Лемба, где были бы собраны воедино все известные свидетельства и фрагменты, до сих пор не существует. Подборка Карла Мюллера, опубликованная в 1849 г. в третьем томе *Fragmenta Historicorum Graecorum* (= *FHG* III, 167–

рованную форму теофорного египетского имени Серапис и может одинаково принадлежать как греку, так и египтянину. Как некогда констатировали основатели многотомной *Prosopographia Ptolemaica*, само по себе оно «не раскрывает нам национальности».² И поскольку никаких других свидетельств, способных внести в вопрос о происхождении Серапиона хоть какую-нибудь ясность, не обнаружено, не исключено, что он, а вместе с ним и Гераклид, были египтянами.

Точно такая же неопределенность присутствует и в сообщениях о месте рождения Гераклида. По сведениям Диогена Лаэртия, он родился либо в Каллатисе, греческом городе на западном берегу Черного моря, либо в Александрии (D.L. V, 94); в свою очередь *Суда* говорит о нем как об уроженце египетского Оксирина (Suda loc. cit.). Несмотря на многолетние споры, ученым так и не удалось прийти к согласию, какой именно из этих трех городов следует признать родиной Гераклида. Большинство при этом склоняется к тому, что каждый город сыграл свою особую роль в его жизни: в одном из них он родился, в другом жил и работал над сочинениями, в третьем занимал какую-то административную должность.³

О том, что Гераклид имел довольно высокое общественное положение, сообщает та же *Суда*, вменяя среди прочего ему в заслугу заключение мирного договора между Птолемеем VI и селевкидским царем Антиохом IV (Suda loc. cit.). На основании одного этого свидетельства Гераклида обычно рассматривают не только как ученого писателя, но и как видного политика своего времени. В самом деле, участие в столь значимом предприятии предполагает, что он состоял на службе при александрийском дворе, больше того – принадлежал к так называемым «друзьям царя» (приближенным, чей титул представлял широкий круг полномочий). Однако поверить в то, что государственная карьера Гераклида достигла таких высот, крайне трудно, чтобы не сказать – невозможно. Неудивительно, что среди исследователей постепенно сложилось мнение, поддержанное, кстати, самим Питером Фрейзером, будто соответствующее место в *Суде* следует понимать в том смысле, что инициатором договора выступил не Гераклид, а лично Птолемей VI. Впрочем, такая ин-

171), давно устарела. По этой причине здесь и далее ссылки на свидетельства и фрагменты Гераклида даются в основном по первоисточникам.

² Peremans, Van't Dack 1953, 245. Подробнее об имени Серапис ≈ Серапион: Clarysse, Paganini 2009, 68–89.

³ Наиболее обстоятельный обзор всех имеющихся мнений: Gallo 1975, 17–19. См. также: Schneider 2000, 569.

терпретация, хотя и кажется на первый взгляд более привлекательной, расхожится с языком византийского лексикона (чего, надо отдать должное, не отрицает и Фрейзер).⁴

И это далеко не все спорные пункты в досье Гераклида. *Суда*, как правило, отмечающая в своих биографических справках род занятий, странным образом причисляет Лемба к философам (*Suda loc. cit.*), а не к историкам или, скажем, грамматикам, как следовало бы ожидать, учитывая общую направленность его сочинений (о чем речь еще впереди). Указанную *Судой* профессию можно объяснить лишь тем, что Гераклид, как и многие другие тогдашние ученые, считался перипатетиком. Косвенно это как будто подтверждает Фотий, докладывая, что «писцом и чтецом» у Гераклида служил историк и географ Агатархид Книдский (*Phot. Bibl. cod.* 213), которого Страбон называет ὁ ἐκ τῶν Περιπάτων (*Strab. XIV, 2, 15*). Собственно, наличие этих переключек и позволило Э. Целлеру, Ф. Зуземилю и Ф. Верли вписать имя Гераклида Лемба в историю эллинистического перипатетизма.⁵ И все же нельзя забывать, что никаких прямых указаний на принадлежность Гераклида (даже номинальную) к перипатетической школе в античной традиции нет.⁶ Следовательно, и причисление его *Судой* к философам остается не вполне понятным. Не говоря уже о том, что оно существенно осложнило историю гераклидовского вопроса, привнеся в него изрядную долю путаницы.⁷

Словом, каждое свидетельство о Гераклиде вызывает любопытство. Наиболее же интригующим является, пожалуй, его прозвище – Λέμβος.

Загадку в данном случае составляет отнюдь не прямое значение прозвища. Будучи заимствованным, – по одной версии, из иллирийского,⁸ по

⁴ Fraser 1972, II, 741 n. 172 (здесь же ссылки на предшествующую литературу).

⁵ Zeller 1879, 932–933 Anm. 1; Susemihl 1891, 501–502; Wehrli 1983, 582.

⁶ См. обзор Штефана Шорна *Wer wurde in der Antike als Peripatetiker bezeichnet?*, где автор отказывается принимать в расчет Гераклида именно потому, что перипатетиком тот стал лишь у новоевропейских исследователей (Schorn 2018, 246).

⁷ Здесь уместно вспомнить о той растерянности, в которой пребывала наука XIX века, пытаясь отделить личность и наследие Гераклида Лемба от личности и наследия Гераклида Понтийского, как и некоторых других авторов с именем Гераклид, коих в древности насчитывалось немало (прежде всего см. Unger 1883, 481–506; Schrader 1885, 236–261); атрибуция отдельных фрагментов при этом оставалась нерешенной вплоть до самого недавнего времени: Gottschalk 1980, 131 n. 15, 157; Schütrumpf 2007, 160–161.

⁸ Hofmann 1949, 177. С Хофманном склонен согласиться Я. Фриск (Frisk 1970, II, 104). Ср. Beekes 2010, I, 847.

другой, из аккадского языка,⁹ – слово λέμβος в целом означает лодку или относительно небольшое судно. Им греки называли и простой ялик (Demosth. XXXII, 6), и корабельную шлюпку (Demosth. XXXIV, 10; Lycurg. *Leocr.* 17), и рыбацкий челн (Theocr. XXI, 12), и пиратскую или торговую барку (Strab. II, 3, 4 et 5), и даже что-то вроде ладьи, а то и легкой галеры (Polyb. I, 53; II, 3; III, 42, 43 etc.).¹⁰ А вот каков переносный смысл λέμβος, ведь только в таком смысле оно и могло использоваться в качестве прозвания, – вопрос куда более сложный.

К счастью, до нас дошло целых два античных объяснения прозвищу Лемб, причем одно непосредственно касается Гераклида. Увы, взятое изолированно оно совершенно ничего не проясняет, а напротив, само требует комментария. По этой причине лучше начать с другого, более раннего толкования, которое зафиксировал комический поэт сер. IV в. до н.э. Анаксандрид.¹¹ В сохранившемся у Афиней отрывке из комедии *Одиссей* он приводит следующий список прозваний, бывших в ходу у афинян (Anaxandrides fr. 35 PCG II = Athen. VI, 242e-f, пер. Н.Т. Голинкевича):

Я знаю, вечно прозвища даете вы друг другу:
 Божественно красивого зовут Священной свадьбой;
 Мал человек – так его вы Капелькой зовете;
 С улыбкой выйдет, – и тотчас его зовете Плачем;
 Демокл лоснящийся пройдет – вот он уже Похлебка;
 А тот, кто грязен, не умыт, зовется Пыльной тучей;
 За кем-то ходит льстец хвостом – так будет Челноком он;
 Кто вечно бродит натошак, – Кестреем назовется;
 С красавчиков не сводит глаз – Дым будет Теагенов,

⁹ Szemerényi 1974, 149, которому следует Г. Папанастассиу в своих дополнениях к словарю Шантрена (Papanastassiou 1994, 21), при том что сам П. Шантрен воздержался от каких-либо предположений на сей счет (Chantraine 1974, III, 630).

¹⁰ Casson 1971, 125–127, 162–163; Höckmann 1985, 110–113. Наиболее полную сводку свидетельств можно найти в книге: Boršić, Džino, Radić Rossi 2021, 59–172.

¹¹ Самое раннее упоминание Λέμβος встречается в посвяtitельной надписи на сосуде, фрагмент которого найден в святилище Кабиров близ Фив и который датируется VI–V вв. до н.э.: Λέμβος ἀ[γέθειε, «Лемб п[освятил» (IG VII, 3645 = KH I, 68). Краткость надписи не позволяет судить ни о самом человеке, его социальном положении и роде занятий (ср. Κομμανούδης 1979, 131 αριθ. 1234), ни о природе его прозвища, которое здесь, очевидно, выполняет роль личного имени (ср. Neumann 1994, 648). То, что Λέμβος могло быть полноценным именем, отчасти подтверждает синопская надпись IV в. до н.э., где упоминается Глэрис, входивший в комиссию пританов, чьим отцом был Лембий: Γληρίς Λεμβίου (*ISinope* 7, 13).

Ягненка в шутку уведет – Атреем величают;
 Барана – Фриксом; а Ясон – тот, кто овчинку стянет.

Все перечисленные Анаксандридом прозвания насмешливые, а Λέμβος, в процитированном переводе Челнок, вдобавок еще и говорящее. Им награждается лстивый парасит, который не просто заискивает перед хозяином стола, но всюду волочитя за ним, словно привязная корабельная шлюпка: такую шлюпку не поднимали на борт, а брали на буксир, так что она постоянно тащилась следом за кораблем.¹² Имело ли прозвище Гераклида тот же смысл, что и комедийного парасита, как полагали в прошлом Л. Грасбергер и Ф. Бехтель, видя тем самым в Гераклиде такого же льстеца?¹³ Скорее всего, нет. К тому же взятое на вооружение анаксандридовскими насмешниками значение слова λέμβος, подразумеваемый им тип лодки, не единственное, и в любой другой ситуации подходящим могло оказаться какое-то иное значение.

В этой связи нельзя не привести забавной параллели. В одной из эпиграмм Руфина, неизвестного поэта, чьи годы жизни по разным оценкам варьируются от I по VI в. н.э., фигурирует некая Λέμβιον. Данное прозвище является диминутивом от λέμβος и переводится как Лодочка. Так кличут гетеру, которая вместе с подругой по прозвищу Катерок (Κερκούριον от κέρκουρος),¹⁴ всегда «стоит на якоре» в самосском порту. Характеризуя обеих гетер как «пиратские суда Афродиты», Руфин предостерегает юношей, чтобы те не связывались с ними, а иначе поглощенные пучиной они пойдут ко дну (AP V, 44 = Rufin. 17 Page).¹⁵ Нетрудно заметить, что при очевидном родстве между прозвищами парасита Λέμβος и гетеры Λέμβιον их семантика разнится. Если в

¹² Olson 2007, 370. Сложности, связанные с пониманием отрывка из Анаксандрида в контексте всего раздела о параситах у Афиней (VI, 234c–248c), обсуждаются в комментарии Бенджамина Миллиса (Millis 2015, 168); здесь же см. примечание к Анаксандриды fr. 12 PCG II, где также упоминается λέμβος (Ibid. 83–84).

¹³ Grasberger 1888, 332–333; Bechtel 1898, 68.

¹⁴ См. Casson 1971, 163–166.

¹⁵ Призыв бежать «пиратских судов Афродиты» Руфин заимствует из эпиграммы, которую приписывают либо Гедилу, либо Асклеиаду (AP V, 161), причем заимствует дословно, без каких-либо изменений, в той же метрической позиции. И это, по слову авторитетного Д. Пейджа, «крайне необычайное явление, особенно неожиданное у столь независимого сочинителя, как Руфин» (Page 1978, 88), лишь усиливает значимость образной характеристики, данной поэтом двум портовым гетерам и закрепленной в их шуточных прозваниях. Подробнее о женских образах у Руфина: Höschel 2006.

основе первого лежит образ шлюпки, которая ходит на привязи за кораблем, то в основе второго – пиратская лодка, которая как бы подстерегает заходящие в порт суда.

С другой стороны, несомненно, что оба эти прозвания, а с ними и прозвание Гераклида Лемба, схожи по своей номинативной установке. Апеллируя к приведенному выше отрывку из Анаксандрида, М.А. Солопова в энциклопедической статье о Гераклиде замечает: «Возможно, прозвище Лемб следует понимать как характеристику его личностных качеств».¹⁶ Замечание справедливо, но лишь отчасти. Прозвище, конечно, зависит от качеств или чаще какого-то одного, доминирующего качества, присущего тому, кто этим прозвищем награждается. Но, пожалуй, в не меньшей степени оно обусловлено сферой его деятельности, его основным ремеслом. Ведь параситу прозвище дают именно как параситу, у которого те же подхалимство и навязчивость носят не только личностный, но и, скажем так, профессиональный характер (ср. Epicharmus fr. 32, 1–6 PCG I; Aristophon fr. 5 PCG IV; Diphilus fr. 63 PCG V etc.). То же самое будет верно и для гетер, и для поэтов, и для философов, равно как и для ученых всех специальностей. В качестве примера достаточно напомнить о Сатире по прозвищу Дзета (Ζήτα), друге грамматика Аристарха Самосского и младшем современнике Гераклида Лемба, прозванном так за свою любовь к исследованию, διὰ τὸ ζητητικὸν αὐτοῦ (Phot. *Bibl. cod.* 190); или о грамматике Дидиме, воспитаннике того же Аристарха, который за невероятное усердие в написании книг (а их у него было около трех с половиной тысяч) удостоился целых двух прозваний – Χαλκέντερος, то есть Медноутробный (*Suda* Δ 872), и Βιβλιολάθας, то есть Забывающий книги (Athen. IV, 139c) – собственного сочинения, разумеется.

Гераклид также получил прозвание вследствие своих ученых и литературных занятий, о чем говорит второе имеющееся объяснение прозвищу Лемб. В списке Гераклидов, который Диоген Лаэртский приводит после биографии Гераклида Понтийского, оно объясняется так (D.L. V, 94, пер. М.Л. Гаспарова):

Пятый – из Каллатиса или Александрии, написал *Преимства* в шести книгах и *Речь о челноке* (Λεμβευτικὸς λόγος), за которую сам был прозван Челнок (Λέμβος).

Как можно убедиться, поводом для прозвища, данного нашему Гераклиду, послужила отнюдь не какая-то черта характера, особая манера поведения или

¹⁶ Солопова 2008, 256.

курьезный случай из жизни, а написанное им сочинение.¹⁷ Правда, от этого его прозвище не становится менее загадочным.

Дело в том, что свидетельство Диогена Лаэртия – единственное, где упоминается *Λεμβευτικός λόγος*; никаких других сообщений об этом сочинении нет. Мало того, само слово *λεμβευτικός* является гапаксом, то есть ни у кого из античных авторов больше не засвидетельствовано. Поэтому неудивительно, что многие современные переводчики Диогена Лаэртия оставляют *λεμβευτικός* без перевода, передавая лишь формально-грамматические показатели: ср. нем. ‘die Lembeutische Rede’ (О. Апелът), англ. ‘a work entitled *Lembeuticus*’ (Р.Д. Хикс), франц. ‘un Discours Lembeutique’ (Р. Женай), итал. ‘un discorso *Lembeutico*’ (М. Джиганте). Такое решение продиктовано не только желанием сохранить внятной для читателя переключку между заглавием сочинения и прозвищем Гераклида Лемба, но и теми объективными трудностями, которые неизбежно встают при попытке адекватно выразить смысл заглавия. Есть, однако, и те, кто все-таки пытается найти гераклидовскому сочинению более или менее подходящий перевод (как тот же М.Л. Гаспаров), ввиду чего надлежит высказать несколько соображений.

Начать с того, что слово *λεμβευτικός* представляет собой прилагательное на *-κός* с предшествующим соединительным слогом *-τι-* (в иных случаях для присоединения суффикса используется гласная *-ι-*). С помощью этих формантов образуются как отыменные, так и отглагольные прилагательные. Окрашенные подчас признаками *способности к чему-л.* или *пригодности для чего-л.*, те и другие в общем и целом означают *принадлежность* – с той разницей, что одни

¹⁷ Иное объяснение как будто предполагает Фотий, именующий Гераклида *ὁ τοῦ Λέμβου Ἡρακλείδης* – во всяком случае, согласно принятой конъектуре, которую обычно приписывают Г. Дильсу, но которую обсуждал уже Э. Хиллер: все рукописи Библиотеки дают бессмысленное *ὁ τοῦ λέμβρου Ἡρακλείδης* (Phot. *Bibl. cod.* 213). В исправленном виде Дильс толкует имя так, как если бы прозвище Лемб изначально имел отец Гераклида Серапион, и оно попросту перешло к сыну по наследству (Diels 1879, 148 n. 2; см. также: Daebritz 1912, 489). Есть, впрочем, и другая возможность, которой не упускает из виду Хиллер, отмечая, что при означенном исправлении речь у Фотия могла бы идти о сыне Гераклида Лемба, которого также звали Гераклидом (Hiller 1867, 599 Anm. 10). Ни одно из этих толкований поддержки не нашло. Господствующее же ныне мнение несколько двусмысленно: принимая конъектуру Хиллера–Дильса при чтении, практически все издатели и исследователи понимают свидетельство Фотия в духе Казобона, некогда предложившего исправить соответствующее место на *ὁ Λέμβος Ἡρακλείδης* (Casaubonus ap. *FHG* III, 167).

указывают на живые существа и предметы, а другие – на действия и процессы.¹⁸ Ср. παιδικός ‘детский’ от существительного παῖς ‘ребенок, дитя’ и παιδευτικός ‘воспитательный’ от глагола παιδεύω ‘воспитывать’.¹⁹ Прилагательное λεμβευτικός, как видно, должно было быть произведено от глагола *λεμβεύω, а тот в свою очередь – от λέμβος. Таким образом, перед нами деривация, которая принадлежит тому же словообразовательному ряду, что и παῖς – παιδεύω – παιδευτικός; κύβος ‘игральная кость’ – κυβεύω ‘играть в кости’ – κυβευτικός ‘служащий для игры в кости’; ἄγκιστρον ‘рыболовный крючок’ – ἀγκιστρεύω ‘рыбачить’ (букв. ‘ловить рыбу на крючок’) – ἀγκιστρευτικός ‘относящийся к рыбалке’ и т.п. Нельзя, правда, исключать и того, что λεμβευτικός было образовано не от предполагаемого глагола, а по аналогии, то есть по существующему в языке лексическому образцу (например, κυβευτικός : λεμβευτικός). Тем не менее это не отменяет отглагольной природы самого прилагательного, в состав которого входит глагольный суффикс -ευ-. Стало быть, сколько-нибудь адекватный перевод заглавия Λεμβευτικός λόγος возможен только при условии, если удастся реконструировать семантику исходного глагола, пусть в самых общих чертах.

Ханс Лукас в своих заметках *Zu Herakleides Lembos*, разумно предполагая, что λεμβευτικός образовано от глагола *λεμβεύω, допускает, что тот означал «bin ein λέμβος, oder ‘verfahre nach Art eines λέμβος’» («‘быть лембом’ или ‘действовать на манер лемба’»). В подтверждение он ссылается на «ἀλιευτικά, ἰχθυετικά usw.».²⁰ Между тем и предложенная им семантическая реконструкция глагола, и подобранные для ее подкрепления примеры неудачны. Значения, которыми Лукас наделяет *λεμβεύω, считая его либо глаголом состояния, либо глаголом действия, где λέμβος всякий раз получает роль субъекта, возможны только тогда, когда выступающее в качестве производящей основы имя относится к разряду одушевленных существительных. Ср. *LSJ* s.v. δουλεύω (от δοῦλος ‘раб’) 1. ‘to be a slave’ и 3. ‘render a service’, то есть ‘behave as a servant’, как поясняют авторы *Revised Supplement* к словарю Лидделла–Скотта. Пытаясь описать семантику *λεμβεύω точнее, естественнее предположить, что тот принадлежит к малочисленной группе производных глаголов движения, в которых имя выражает средство и заодно задает способ передвижения. Чтобы приблизиться к реконструкции λέμβος – *λεμβεύω – λεμβευτικός, за образец правильнее было бы взять ряд δίφρος ‘колесница’ – διφρεύω ‘править ко-

¹⁸ Ср. Kühner–Blass 1892, 287–288 (§ 332, 3); 294–295 (§ 334, 5).

¹⁹ Данная модель была весьма продуктивной, в особенности после софистов: Chantraine 1933, 384–396.

²⁰ Lucas 1940, 236.

лесницей; ехать на колеснице' – διφρευτικός 'относящийся к езде на колеснице'. И если так, если семантическая деривация первого ряда и впрямь аналогична второму, то общим значением глагола *λεμβεύω могло быть 'править лембом; плыть на лембе' (его конкретное значение при этом зависело бы от того, какого типа судно имеется в виду – рыбацкая лодка, торговая барка или что-то еще). Иными словами, *λεμβεύω был специализированным глаголом движения по воде (ср. λεμβαρχέω 'управлять, командовать лембом') при более общем πλέω 'плыть (преимущественно о судне); плыть на судне'.²¹ Прилагательное λεμβευτικός в таком случае должно было бы приблизительно означать 'относящийся к плаванию на лембе' или 'пригодный для плавания на лембе'.

Что же касается примеров Лукаса, призванных подтвердить его реконструкцию глагола, то они, как минимум, не удовлетворяют формальному критерию. В отличие от λεμβευτικός, оба названных им слова суть отыменные образования: ἀλιευτικός 'рыболовный, рыбачий, рыбацкий' происходит от существительного ἀλιεύς 'рыболов, рыбак'; тогда как ἰχθυευτικός 'способный выслеживать, пригодный для слежки' – производное от ἰχθυεύτης 'следопыт, ищейка'. Оба к тому же образованы от одушевленных существительных. Впрочем, из-за того, что подобные прилагательные подразумевают тесную связь между лицом и родом его занятий, их часто использовали для обозначения вида деятельности. См. субстантивированное ἡ ἀλιευτική (sc. τέχνη) 'рыболовство (собственно: рыбацкое ремесло)' (Plat. *Soph.* 220b; cf. *Ion* 538d), благодаря чему впоследствии у Оппиана становится возможным заглавие Ἀλιευτικά, *О рыбной ловле*. Сюда же относятся и заголовки типа Κυνηγετικός (sc. λόγος от κυνηγέτης 'охотник'), *Об охоте* Ксенофонта.

Λεμβευτικός λόγος – в силу исключительно словообразовательных признаков – также должен был обозначать деятельность. По этой причине не вполне корректными для его передачи являются как русское *Челночное слово*,²² так и английское *Lembian address*,²³ которым больше соответствовало бы *Λεμβικός λόγος. Еще дальше от оригинала попытки передать заглавное λεμβευτικός как 'lemb-like' или 'lembish',²⁴ поскольку оба варианта так или иначе соответствуют прилагательному λεμβώδης 'лембообразный, лембоподобный', зафиксированному у Аристотеля (*De incess. an.* X, 9, 710a 31–32). Не верен и процитированный выше перевод М.Л. Гаспарова *Речь о челноке*. Единственно

²¹ Подробнее о древнегреческих глаголах плавания: Кисилиер 2007, 351–379.

²² Солопова 2008, 256.

²³ White 2021, 227.

²⁴ Boršić, Džino, Radić Rossi 2021, 95.

приемлемым, да и то с необходимой оговоркой, русским переводом Λεμβευτικὸς λόγος будет *О плавании на лембе*.

Другое дело, что сами по себе такие заголовки могли носить как буквальный, «технический», так и фигуральный смысл. К примеру, Σχολικὸι λόγοι, *Сапожничьи беседы* сократика Федона (D.L. II, 105) почти наверняка представляли собой не разговоры сапожников о сапожном ремесле, но философские диалоги подобные тем, что составил Симон по своим беседам с Сократом в сапожной мастерской, ὅθεν σχολικὸς αὐτοῦ τοῦς διαλόγους καλοῦσιν (D.L. II, 122). *Беседы* Федона показывают, что заглавие как таковое может ничего не говорить о содержании сочинения – даже того, к какой области оно относится. А что же тогда Λεμβευτικὸς λόγος? По сообщению *Суды*, Гераклид «написал философские и другие» произведения (*Suda* H 462): к каким из них его следует причислить – к первым, как полагал Э. Целлер,²⁵ или ко вторым, как склонен был думать Г. Дильс?²⁶ Чтобы ответить на этот вопрос, нужно хотя бы вкратце рассмотреть все литературное наследие нашего автора.

Вне всякого сомнения, главным трудом Гераклида Лемба была *История* или *Истории* – в оригинале название стоит во множественном числе, точно так же как у Геродота, Фукидида или Полибия, поэтому при переводе допустимы оба варианта. Выбор в пользу того или другого зависит от взгляда на характер гераклидовского сочинения в целом – являлось ли оно последовательной всеобщей историей или разрозненным «собранием пестрых глав», где исторические легенды и анекдоты перемежались сведениями о государственных установлениях и обычаях. Колебание между двумя этими крайностями во многом вызвано той диспропорцией, которая наблюдается между первоначальным объемом *Историй* и их нынешнем состоянием. При том что само сочинение было весьма пространным и включало по меньшей мере 37 книг, от них сохранились лишь считанные фрагменты: по одной оценке – пять (fr. 1–5 *FHG* III), по другой – всего только три (fr. 3–5 *Ibid.*),²⁷ – и все вполне самостоятельны и анекдотичны.

Если верить *Суде*, Герон Афинский, малоизвестный ритор I-го в н.э., составил *Эпитому «Историй» Гераклида* (*Suda* H 522). Данное обстоятельство тем более примечательно, что и сам Лемб известен современной науке прежде всего как эпитоматор. Так, упомянутые у Диогена Лаэртия наряду с Λεμβευτικὸς λόγος *Преемства* в шести книгах (D.L. V, 94) не были авторским произведением, но *Эпитомой «Преемств [философов]» Соттиона*, биографа

²⁵ Zeller 1879, 932–933 Anm. 1.

²⁶ Diels 1879, 148 n. 2 (см. ремарки в тексте *Суды*).

²⁷ См. Verhasselt 2020, 672–683.

и историка философии из Александрии (D.L. V, 79; VIII, 7; X, 1 = Sotion fr. 18, 24 et 34 Wehrli). Кроме нее Гераклиду принадлежит эпитома *Жизней* Сатира из Каллатиса (D.L. VIII, 40, 53; IX, 26 = Satyr. T 4, F 11, 12, 15 Schorn), причем, в отличие от сочинения Сотииона, труд Сатира включал не только биографии философов, но также поэтов и политиков. К ней примыкает другая, столь же неоднородная по своему составу *Эпитома Гераклида, сына Серапиона, сочинений Гермиппа «О законодателях», «О семи мудрецах» и «О Пифагоре»*. Это заглавие обнаружено в оксиринхском папирусе 1367, который был опубликован в 1915 г. (POxy. XI, 113–119). Речь, разумеется, идет о компиляции трех разных сочинений биографа Гермиппа Смирнского, последователя и помощника Каллимаха при Александрийской библиотеке (FGrHist 1026 T 5, 7a, 8a, 9a, F 3). К сожалению, от всей компиляции остался лишь небольшой фрагмент, охватывающий конец первой и начало второй книги *О законодателях*, где кратко рассказывается о Демонакте из Мантинеи, Кекропе, Бузиге, Антимaxe и каком-то еще неназванном по имени древнем законотворце.

Несмотря на скудость папирусных отрывков, публикация POxy. 1367 имела решающие последствия для Лемба. Сравнивая фрагменты новонайденной эпитомы Гермиппа с давно и хорошо известным памятником *Из сочинений Гераклида о политиях*, Герберт Блох на основе стилистического анализа пришел к заключению (чем дал новую точку опоры в давно обсуждаемом вопросе), что тот связан именно с Лембом, а не с каким-то иным Гераклидом.²⁸ Что же до самого памятника, то он не представляет собой сборника извлечений из историко-политических трактатов Гераклида, как может показаться по заголовку, но из очередной его эпитомы – на сей раз сочинений Аристотеля (Heraclid. Lemb. *Excerpt. Polit.* § 1–76 Dilts = Arist. fr. 611 Rose). Перед нами excerpta excerptorum, содержащие сорок выдержек из аристотелевских *Политий*, включая *Афинскую политию*, благодаря чему стало известно ее начало, недостающее в единственной рукописи (§ 1–8), и четыре выписки из *Варварских обычаев* Стагирита (§ 43, 44, 48, 58).

Высказывались, разумеется, и другие предположения относительно тех или иных сочинений, будто бы составленных Лембом. Одно из них, к примеру, касается *Жизни Архимеда*, на которую ссылается Евтокий Аскалонский в *Комментарии на Архимедово «Измерение круга»*, называя ее автором неко-

²⁸ Bloch 1940, 31–37. Ср. Unger 1883, 504–505; von Holzinger 1891, 442–443; Id. 1894, 81; Daebritz 1912, 490–491 и др. Выводы Блоха ныне общепризнаны: их придерживается и современный издатель *Из сочинений Гераклида о политиях* Мервин Дилтс (Dilts 1971, 8), и автор исторического комментария к ним Марина Полито (Polito 2001, 9).

его Гераклида (Eutoc. *In Arch. De dim. circ.* 266, 1). Уже Карл Мюллер считал необходимым приобщить эту ссылку к подборке Лемба (fr. 17 *FHG* III). Против такой атрибуции, однако, есть два существенных возражения. Во-первых, в *Комментарии на «Конические сечения» Аполлония* точно такую же биографию Евтокий приписывает Гераклию (Eutoc. *In Apol. Con.* 168, 3–4). И поскольку оба свидетельства Евтокия, скорее всего, относятся к одному тексту и оба – за отсутствием иных ссылок – абсолютно равноценны, нет никакой уверенности в том, что автора *Жизни Архимеда* непременно звали Гераклидом.²⁹ Во-вторых, им мог оказаться совсем другой Гераклид – друг или ученик Архимеда, которого тот упоминает в сочинении *О спиралях* (*Arch. De lin. spir.* 2, 4; 6, 9).³⁰ Остальные догадки об авторстве Лемба или еще более рискованны, или заведомо неправдоподобны.³¹

Итак, даже при поверхностном обзоре видно, что все написанное Гераклидом Лембом – результат не столько размышлений философа, сколько занятий эрудита и эпитоматора. Вопреки *Суде*, единственным сочинением, которое при желании еще можно было бы отнести к философским, как и поступил, например, тот же Дильс, является *Эпитома «Преемств» Сотииона*.³² Но насколько оправдано такое решение? Следует ли считать философскими сами Сотиионовы *Преемства*? Известно, что в основе последних лежала схема, предполагающая распределение всех знаменитых мыслителей по школам и всех школ по двум линиям преемственности – ионийской и италийской. Однако совершенно неясно, какое место в них отводилось собственно философии. Так, согласно Йоргену Мейеру, труд Сотииона, как и *διαδοχαὶ τῶν φιλοσόφων* всех последующих авторов,³³ всецело принадлежал к биографическому жанру, так что изложение философских взглядов в нем

²⁹ Расхождение в имени объясняется, вероятно, разночтением в рукописной традиции: Decors-Foulquier, Federspiel 2014, 3 п. 2.

³⁰ Susemihl 1891, 724–725. Ср. наблюдения и вытекающие из них возражения Я. Мансфельда (Mansfeld 1998, 36–48).

³¹ См. Daebritz 1912, 491.

³² Diels 1879, 148 п. 2.

³³ Среди них Сосикрат Родосский, Александр Полигистор, Никий Никейский, Ясон из Нисы и Антисфен Родосский. Фрагменты их сочинений собраны в книге: Giannattasio Andria 1989. Новое издание Александра, Ясона и Никия (*FGrHist* 1035, 1040 et 1045 соответственно): Zaccaria 2021, 11–91, 667–692, 763–804. К литературе преемств часто причисляют также *Τῶν φιλοσόφων ἀναγραφὴ*, *Перечень философов* Гиппобота (к стандартной подборке fr. 6–22 Gigante есть два добавления: fr. 6a Gigante et fr. 23 Engels) и *Σύνταξις τῶν φιλοσόφων*, *Строй философов* Филодема.

ограничивалось нуждами биографии и не выходило за рамки анекдотических случаев и метких афоризмов. По мнению Мейера, было бы ошибкой судить о Сотиионе по Диогену Лаэртию, чьи *Жизни философов*, хотя и воспроизводят в главных чертах композицию *Преемств*, в действительности стали первым полноценным био-доксографическим произведением.³⁴ Невзирая на то, что состояние источников не противоречит выводам Мейера, сегодня они признаются несколько однобокими, а удельный вес доксографии в преемствах – более значительным.³⁵

С эпитомой Гераклида дело обстоит еще на порядок сложнее. Напомним, что, по словам Диогена Лаэртия, та состояла из 6 книг (D.L. V, 94). Учитывая, что труд Сотииона охватывал 13 книг (Sotion fr. 35 et 36 Wehrli = D.L. I, 1 et 7), это означает, что Гераклид сократил его вдвое. Какими при этом частями – биографическими или доксографическими (коль скоро таковые у Сотииона все-таки имелись) – он решил пренебречь? Все фрагменты гераклидовской эпитомы носят сугубо биографический характер (Heraclid. Lemb. ap. D.L. II, 113, 120, 135, 138, 143–144; III, 26; V, 79; VIII, 7, 44, 53, 58; X, 1–2), но их, может статься, недостаточно, чтобы составить верное представление об эпитоме в целом, так как все они от начала до конца зависят от Диогена Лаэртия, его интересов и предпочтений. Вдобавок Гераклид мог расширить исходные материалы Сотииона за счет выписок из других авторов, что также могло заметно изменить облик оригинала.³⁶

³⁴ Mejer 1979, 62–74; Id. 2000, 45–54.

³⁵ См. Schorn 2018, 301–337.

³⁶ Самой известной гипотезой о прибавлениях Лемба остаются источниковедческие выкладки Вилаговица, согласно которым тот обогатил *Преемства* Сотииона данными об эретрийской школе, в частности о Менедеме (von Wilamowitz-Moellendorff 1881, 86–94). Возможным же доказательством тому, что Гераклид делал добавления в эпитомы, служит следующий пассаж из Диогена Лаэртия: «Сатир в *Жизнях* говорит, что Эмпедокл был сыном Эксенета и что сам он также оставил сына Эксенета, причем в одну и ту же олимпиаду он одержал победу в скачках, а его сын – в борьбе или, как утверждает Гераклид в *Эпитоме*, в беге» (D.L. VIII, 53). Если, по мнению Ф. Верли, Диоген Лаэртий противопоставляет здесь два независимые свидетельства из двух разных источников, подразумевая под *Эпитомой* гераклидовскую *Эпитому «Преемств» Сотииона* (Wehrli 1978, 58), то, по мнению большинства современных ученых, включая Ш. Шорна, издателя Сатира из Каллатиса, он всего-навсего цитирует *Эпитому «Жизней» Сатира*, куда Гераклид самостоятельно добавил альтернативную версию свидетельства о победе сына Эмпедокла (Schorn 2004, 25, 370). Впрочем, не исключено, что самой этой версией Лемб обязан как раз Сотииону.

В связи с неясным наполнением *Эпитомы «Преемств»* важно упомянуть об одной любопытной записи в *Памятной книжке* Иосифа. Сама *Книжка* датируется приблизительно концом IV – началом V вв. н.э. (при том что в тексте присутствуют более поздние интерполяции) и представляет собой нечто вроде памятки, содержащей краткие вопросы, в основном из ветхозаветной истории, и более или менее развернутые ответы на них, в основном в виде списков.³⁷ Интересующая нас запись выбивается из общего содержания и посвящена греческим философским «ересям», или попросту школам (ей предшествуют аналогичные записи о «ересях», выступавших против «церковной веры», а также о «ересях» среди иудеев и самаритян). На вопрос «Какие школы были у греков?» в ней приводится перечень из 20 пунктов, после чего сообщается: Ταύτας τὰς εἴκοσιν αἱρέσεις Ἡρακλείδης ὁ Πυθαγορικὸς διεῖλεν ἐν τῷ περὶ τῆς ἐν φιλοσόφοις αἱρέσεων πραγματείας αὐτοῦ βιβλίῳ – «Эти двадцать школ разобрал Гераклид-пифагореец в своей книге об исследовании школ у философов» (*Hypomnest.* V, 143 Grant–Menzies). По всем признакам (кроме таинственной принадлежности к пифагорейцам) наиболее подходящей кандидатурой на роль названного Гераклида является Лемб.³⁸

Судя по тематике, приписываемое Гераклиду сочинение не может быть ничем иным, как *Эпитомой «Преемств» Сотииона*. Если эта идентификация верна – а по общему мнению, так оно и есть – в глаза сразу же бросается разница между тем, какой она предстает пред нами со слов Диогена Лаэртия, и тем, как ее изображает Иосиф. Ведь назвать эпитому книгой περὶ τῆς ἐν φιλοσόφοις αἱρέσεων πραγματείας – значит отнести ее (по меньшей мере, формально) не к преемствам, а к литературе о философских школах, возникновение которой чаще всего связывают с одноименным сочинением Гиппобота Περὶ αἱρέσεων (fr. 1–5 Gigante).³⁹ Ее коренное отличие от преемств заключается в том, что сочинения о школах, пренебрегая биографиями философов, имели своей первостепенной задачей систематическое изложение их доктрин.⁴⁰

Еще одной знаменательной особенностью презентации Иосифом эпитомы оказывается приведенный им и, наверно, им же составленный список

³⁷ Об Иосифе и его *Памятной книжке* см. Grant, Menzies 1996, 1–28.

³⁸ Сводка аргументов в пользу Лемба: Diels 1879, 150–152; von Kienle 1961, 93.

³⁹ К сожалению, о самом Гиппоботе абсолютно ничего не известно, даже времени его жизни, которое приходилось то ли на конец III – первую половину II в. до н.э., то ли целиком на I в. до н.э. (Engels 2007, 174). При более поздней датировке первенство в жанре о школах должно принадлежать стоику Панетию Родосскому (ок. 180–110 гг. до н.э.), которому также приписывают сочинение Περὶ τῶν αἱρέσεων (Panaet. fr. 49 van Straaten; fr. 141 Alesse = D.L. II, 87).

⁴⁰ Подробнее о жанрах античной историографии философии: Жмудь 2012, 5–39.

школ. (Считается, что тот отражает последовательность глав у Гераклида.) Сличая его с реконструируемым на основе Диогена Лаэртия списком Сотииона, легко заметить расхождения, наиболее важное из которых состоит в том, что Гераклид перенес школы академиков, перипатетиков и стоиков в самый конец перечня, поместив их между пирронистами и эпикурейцами, – иными словами, перенес их из ионийского преемства в италийское. Отсюда следует, что Гераклид не просто сократил, но и перестроил труд Сотииона, отбросив саму идею преемственности.⁴¹

И все же невозможно представить себе, чтобы Гераклид переработал *Преемства* Сотииона таким образом, что те превратились в книгу о философских школах. Это не только не согласуется с имеющимися фрагментами, пусть немногочисленными, но и плохо вяжется с литературным амплуа Гераклида, явно тяготевшего к историко-биографическим сюжетам. Естественнее было бы ожидать, что Лемб, пожертвовав основной концепцией Сотииона, вовсе отказался от обсуждения взглядов философов в пользу рассказа об их поступках. Примерно так он обошелся и с *Афинской политией* Аристотеля, сосредоточившись при ее сокращении на отдельных политиках, событиях и установлениях.⁴² Запись же в *Памятной книжке* можно объяснить потребностью Иосифа в общем списке греческих философских школ (наравне с прочими «ересями»), которую вполне способна была удовлетворить оказавшаяся под рукой гераклидовская *Эпитома*.⁴³

Все сказанное о трудах Гераклида заставляет думать, что Λεμβευτικὸς λόγος вряд ли был философским сочинением, даже в расширительном смысле, но скорее входил в число тех «других», о которых *Суда* упоминает со столь досадной неопределенностью. Мнение Дильса в данном случае выглядит более взвешенным, нежели мнение Целлера. Вместе с тем, рассматривая творческое наследие Гераклида целиком, нельзя не отметить еще одного нюанса – той подчеркнутой простоты, намеренной прозаичности, которая присуща названиям всех его произведений. При столь сдержанной поэтике заглавий кажется маловероятным, чтобы автор однажды поступился своей привычкой. Следовательно, у нас нет никаких причин подозревать, что заголовок

⁴¹ von Kienle 1961, 94–95. Сопоставление композиций *Жизней* Диогена, *Преемств* Сотииона и *Эпитомы* Гераклида удачно выполнено Мейером в виде таблицы: Mejer 1979, 70–71; Id. 2000, 47.

⁴² См. Доватур 1965, 119–120; Verhasselt 2022, 76–91.

⁴³ Ср. von Kienle 1961, 93–94.

Λεμβευτικὸς λόγος имел переносное значение.⁴⁴ Почти наверняка он принадлежал сочинению, посвященному самому что ни на есть обычному плаванью на лембе. Остается лишь удивляться, что те ученые, которые все же находили возможным строить догадки о его содержании, не принимали буквалистской трактовки заглавия в расчет, что, конечно, сказывалось и на прозвании Гераклида.

Так, Георг Фридрих Унгер, считая составление эпитом основным видом деятельности Гераклида Лемба, пришел к выводу, что Λεμβευτικὸς λόγος являлся чем-то вроде выступления в свою защиту, где обсуждалось, «при каких обстоятельствах такая деятельность позволительна и как ей следует заниматься».⁴⁵ Потребность в подобной апологии (как потом назвал это выступление критически отнесшийся к самой идее Зуземиль)⁴⁶ была всецело продиктована нареканиями в адрес Гераклида, которые тот навлек на себя компиляциями современных ему авторов и которые нашли отражение в прозвище. По мнению Унгера, под лежащим в его основе λέμβος подразумевалась пиратская лодка, само же прозвище имело метонимическое значение 'Freibeuter', то есть Пират или Капер. Тем самым Гераклид изобличался в плагиате, а его писательство низводилось до обыкновенного литературного пиратства.⁴⁷

Гипотеза Унгера заманчива, но все-таки уязвима для критики. Унгер исходит из новоевропейского понимания плагиата, которое далеко не всегда применимо к античной словесности вообще и ученой литературе в частности,⁴⁸ наименее же всего – к эпитоме, вторичной по самому своему определению.⁴⁹ Одного упоминания в заглавии слова ἐπιτομή было достаточно, чтобы читатель сразу же составил себе представление о природе и степени оригинальности произведения, которое он держит в руках. Не говоря уж о том, что в заголовках гераклидовских сокращений непременно фигурировали либо автор, либо название подлинника, либо оба они вместе.

⁴⁴ Λεμβευτικὸς едва ли указывало на жанр, как указывает на него трижды встречающееся в названиях Гераклида ἐπιτομή. Не могло оно означать и особого стиля повествования подобно знаменитому ἀλιευτικῶς, ἀλλ' οὐκ Ἀριστοτελικῶς, «по-рыбацки, а не по-аристотелевски» Григория Назианзина (*Or.* 23, 12).

⁴⁵ Unger 1883, 506.

⁴⁶ Susemihl 1891, 502–503 Anm. 55.

⁴⁷ Unger 1883, 505–506.

⁴⁸ Самым подробным исследованием об античном плагиате остается книга Э. Штемплингера *Das Plagiat in der griechischen Literatur* (Stemplinger 1912).

⁴⁹ См. Opelt 1962, 944.

На последнее упущение Унгера указывает Ханс Лукас, иначе объясняющий как заголовок Λεμβευτικὸς λόγος, так и прозвище Λέμβος. В своей интерпретации он отталкивается от комедии Плавта *Кунец* (написанной по пьесе греческого комедиографа Филимона), где дважды упоминается *lembus*. Этим словом обозначается шлюпка, на которой один из героев подплывает к вошедшему в гавань торговому кораблю, не способному подойти к берегу самостоятельно (Plaut. *Merc.* 192, 259). Лукас допускает, что та же шлюпка одновременно использовалась для разгрузки корабля, то есть она служила наподобие лихтера или шаланды (в смысле погрузочно-разгрузочной лодки), частями доставляя на сушу привезенные товары. Глагол *λεμβεύω, который, напомним, Лукас в общем толкует как 'быть лембом' или 'действовать на манер лемба', в данном конкретном контексте должен был означать что-то вроде 'перевозить по частям'. Судя по всему, примерно это значение Лукас и держит в голове, когда видит в Λεμβευτικὸς λόγος краткий справочник или «карманную» энциклопедию, где были собраны всевозможные сведения, почерпнутые у разных авторов. В том же духе он трактует прозвище Λέμβος, представлявшееся ему весьма метким, ведь оно намекало на главное занятие Гераклида – создание из пространных дорогостоящих сочинений удобных и доступных сокращений, адресованных широкому читателю.⁵⁰

Сколь высоко Лукас ценит труд Гераклида видно, если сравнить прозвание Λέμβος в его интерпретации с характеристикой Notizenkrämer, Торговец заметками, коей Эдуард Вёльфлин в свое время наградил анонимного автора *Epitome de Caesaribus*.⁵¹ И вообще, надо сказать, трактовка Лукаса куда лучше согласуется с имеющимися знаниями о Лембе, чем трактовка Унгера. Недаром, анализируя сохранившиеся фрагменты Гераклида, Питер Фрейзер признает, что они в самом деле производят такое впечатление, будто его сочинения отвечали требованиям массового рынка, избегающего серьезных исследований и руководств.⁵² Однако еще замечательнее согласие между Лукасом и Унгером относительно причины прозвища: расходясь в деталях, они полностью солидарны в том, что Лембом Гераклида прозвали не столько за Λεμβευτικὸς λόγος, сколько за изготовление эпитом. И эта точка зрения востребована до сих пор. Сегодня ее, в частности, разделяют Штефан Шорн и Стивен Уайт, которые прямо связывают прозвание Λέμβος с составленными Гераклидом эпитамами.⁵³

⁵⁰ Lucas 1940, 235–236.

⁵¹ Wölflin 1874, 285.

⁵² Fraser, 1972, I, 515. Против чего возражает Gallo 1975, 27–38.

⁵³ Schorn 2018, 289 Anm. 29; White 2021, 227, n. 85.

Между тем, хотя у такой точки зрения нет разумных альтернатив, и уже потому ее следует признать правдоподобной, она выглядит слишком прямолинейной и грубой, ибо против нее есть одно очевидное и, как кажется, существенное возражение: Гераклид Лемб не был первым эпитоматором. В самом деле, эпитомы начали составлять задолго до него (о чем, кстати, тот же Лукас прекрасно осведомлен).⁵⁴ Они существовали уже в IV в. до н.э.: уже тогда Феопомп сократил до двух книг *Историю* Геродота (*FGrHist* 115 T 1), Теофраст составил *Эпитому Платонова «Государства»* в 2 книгах и эпитомы некоторых собственных сочинений (D.L. V, 42–50 *passim*), а чуть позже Филохор наряду с краткой версией своей *Аттиды* в 17 книгах подготовил эпитому трактата *О святынях* Дионисия (*FGrHist* 328 T 1; 357 T 1).⁵⁵ Даже если все эти сокращения и конспекты первоначально изготавливались не для широкой публики, а сугубо для личного пользования, сам процесс эпитомирования был хорошо известен. Спрашивается: будь Гераклид простым эпитоматором, заслужил бы он столь забавное и запоминающееся прозвище?

Чтобы привлечь к себе внимание и вызвать насмешку или упрек, эпитомы Лемба должны были, несомненно, чем-то выделяться на общем фоне тогдашней литературной продукции, обладать каким-то неоспоримым своеобразием. Но в том немногом, что известно о его эпитомах и что могло бы хоть как-то отличать их от прочих образчиков жанра, на первый взгляд, ничего необычного нет. Ни отмечавшаяся выше избирательность фактов, ни привлечение сторонних материалов, ни изменение композиции не выходят за рамки принятой практики эпитомирования.⁵⁶ К тому же, если судить о трудах Гераклида по компиляциям Аристотеля и Гермиппа, то литературный вкус той публики, для которой они предназначались, следовало бы признать весьма и весьма невзыскательным, ибо слог этих эпитом довольно-таки безыскусен, как неумела и *ars exserpendi* их автора.⁵⁷ Словом, эпитомы Гераклида ничем особо не примечательны. И все же, сдается, одно новшество в них имеется.

Как уже говорилось, эпитома по определению вторична. Но вторичны и те ученые сочинения, которые конспектировал и сокращал Гераклид. Их объединяет то, что они не несут в себе никакой уникальной информации, не сообщают никаких новых сведений, которые можно было бы почерпнуть исключительно из них, но всегда опираются на те или иные первоисточники.

⁵⁴ Lucas 1940, 236.

⁵⁵ Исчерпывающий список античных эпитом: Opelt 1962, 947–957, 963–966.

⁵⁶ Ibid., 959–962.

⁵⁷ Ср. Gallo 1975, 27–28.

Так, в дошедших фрагментах *О законодателях* Гермиппа (*FGrHist* 1026 F 3–4) встречаются ссылки на историков Геродота (IV, 161) и Филохора (*FGrHist* 328 F 96), поэта Ласа из Гермियोны (fr. 4 Brussich) и философа Ксенократа (fr. 252 Isnardi Parente). В этом смысле, скажем, *Афинскую политику* Аристотеля, ее историческую часть (*Arist. Ath. Pol.* 1–41), в отличие от его же *Политики*, по сути, тоже можно расценивать как вторичную (хотя ни в коем случае не как второстепенную).⁵⁸ Но если Аристотель и Гермипп, вне всякого сомнения, сами собирают необходимый для своих исследований материал, читая прежних авторов, то Гераклид обходится только Аристотелем и Гермиппом, получая все нужные сведения из вторых рук.⁵⁹

Гераклид не принадлежит к числу настоящих историков или биографов, как те же Сатир и Сотсион, а лишь следует за ними. Их труды составляют основной круг его чтения, в них он находит все, что ему нужно для собственной работы. Однако исследовательская вторичность как раз и выделяет Гераклида среди прочих ученых писателей александрийской поры. Быть может, она-то и была подмечена античными остроловами, не оставив их равнодушными и вызвав естественное для греков желание посмеяться над заметным – не в последнюю очередь благодаря политическим успехам – современником. Имевшийся у того Λεμβευτικὸς λόγος лишь подсказал подходящее прозвище. Что за судно при этом имелось в виду, что конкретно подразумевал Λέμβος, установить сейчас нельзя. Но если выбирать между всеми значениями, то самым подходящим для характеристики Гераклидовой несамостоятельности будет, пожалуй, как и для лъстивости комедийного паразита, привязная корабельная шлюпка. Впрочем, несмотря на подтрунивания и насмешки, сама по себе фигура Гераклида крайне важна для понимания литературного процесса, происходившего в Александрии во II в. до н.э. А что еще важнее – именно от Гераклида берет начало та интеллектуальная традиция, представители которой, питая интерес к биографическим и историческим анекдотам, далеко не всегда прибегали к первоисточникам, а чаще довольствовались вторичной литературой, в том числе сочинениями самого Лемба.

⁵⁸ Доватур 1965, 296–325 passim.

⁵⁹ Зависимость от чужих разысканий порой усматривают и в Гераклидовых *Историях*, для которых, по одному из предположений, эпитомы могли служить предварительным конспектом (см. Bloch 1940, 37–38). Аргументы против такого предположения: Schorn 2018, 296 Anm. 59; Verhasselt 2020, 677.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Доватур, А.И. (1965) *Политика и политии Аристотеля*. Москва, Ленинград.
- Жмудь, Л.Я. (2012) “Доксография в ее связи с другими жанрами античной историографии философии,” *Историко-философский ежегодник-2011*. Москва, 5–39.
- Кисилиер, М.Л. (2007) “Перемещение в воде в древнегреческом языке,” *Глаголы движения в воде: лексическая типология*, ред. Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. Москва, 351–379.
- Солопова, М.А. (2008) “Гераклид Лемб,” *Античная философия: Энциклопедический словарь*, отв. ред. М.А. Солопова. Москва, 256–257.
- Bechtel, F. (1898) *Die einstämmigen männlichen Personennamen des Griechischen, die aus Spitznamen hervorgegangen sind*. Berlin.
- Beekes, R. (2010) *Etymological Dictionary of Greek*, with the assistance of L. van Beek, I–II. Leiden, Boston.
- Bloch, H. (1940) “Herakleides Lembos and his *Epitome* of Aristotle’s *Politeiai*,” *TAPhA* 71, 27–39.
- Boršić, L., Džino, D., Radić Rossi, I. (2021) *Liburnians and Illyrian Lembs: Iron Age Ships of the Eastern Adriatic*. Oxford.
- Casson, L. (1971) *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Princeton, NJ.
- Chantraine, P. (1933) *La formation des noms en grec ancien*. Paris.
- Chantraine, P. (1968–1980) *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots*, I–IV, terminé par O. Masson, J.-L. Perpillou, J. Taillardat et al. Paris.
- Clarysse, W., Paganini, M.C.D. (2009) “Theophoric Personal Names in Graeco-Roman Egypt: The Case of Sarapis,” *APF* 55, 68–89.
- Daebritz, R. (1912) “Herakleides Lembos,” *RE* VIII, 1, 488–491.
- Decorps-Foulquier, M., Federspiel, M. (2014) *Eutocius d’Ascalon, Commentaire sur le traité des Coniques d’Apollonius de Perge (Livres I–IV)*. Berlin, Boston.
- Diels, H. (1879) *Doxographi Graeci*. Berolini.
- Dilts, M.R. (1971) *Heraclidis Lembi Excerpta Politiarum*. Durham.
- Engels, J. (2007) “Philosophen in Reihen. Die Φιλοσόφων ἀναγραφή des Hippobotos,” *Die griechische Biographie in hellenistischer Zeit. Akten des internationalen Kongresses vom 26.–29. Juli 2006 in Würzburg*, hrsg. von M. Erler und S. Schorn. Berlin, New York, 173–194.
- Fraser, P.M. (1972) *Ptolemaic Alexandria*, I–III. Oxford.
- Frisk, H. (1960–1972) *Griechisches etymologisches Wörterbuch*, I–III. Heidelberg.
- Gallo, I. (1975) *Frammenti biografici da papiri*, I. Roma.
- Giannattasio Andria, R. (1989) *I frammenti delle Successioni dei filosofi*. Napoli.
- Gigante, M. (1983) “Frammenti di Ippoboto. Contributo alla storia della storiografia filosofica”, *Omaggio a Piero Traversi*, a cura di A. Mastrocinque. Padova, 151–193.
- Gigante, M. (1985) “Accessione Ippobotea”, *PP* 40, 69.
- Gottschalk, H.B. (1980) *Heraclides of Pontus*. Oxford.
- Grant, R.M., Menzies, G.W. (1996) *Joseph’s Bible Notes (Hypomnestikon)*. Atlanta, GA.

- Grasberger, L. (1888) *Studien zu den griechischen Ortsnamen. Mit einem Nachtrag zu den griechischen Stichnamen.* Würzburg.
- Hiller, E. (1867) "Zu den Fragmenten des Agatharchides," *JClPh* 13, 597–606.
- Höckmann, O. (1985) *Antike Seefahrt.* München.
- Hofmann, J.B. (1949) *Etymologisches Wörterbuch des Griechischen.* München.
- von Holzinger, C. (1891) "Aristoteles' athenische Politie und die Heraklidischen Excerpte," *Philologus* 50, 436–446.
- von Holzinger, C. (1894) "Aristoteles' und Herakleides' lakonische und kretische Politien," *Philologus* 52, 58–117.
- Höschele, R. (2006) *Verrückt nach Frauen. Der Epigrammatiker Rufin.* Tübingen.
- von Kienle, W. (1961) *Die Berichte über die Sukzessionen der Philosophen in der hellenistischen und spätantiken Literatur,* Diss. Berlin.
- Kühner, R., Blass, F. (1890–1892) *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache,* I, 1–2. Hannover.
- Lucas, H. (1940) "Zu Herakleides Lembos," *Hermes* 75, 234–237.
- Mansfeld, J. (1998) *Prolegomena mathematica: From Apollonius of Perga to Late Neoplatonism.* Leiden, Boston, Köln.
- Mejer, J. (1978) *Diogenes Laertius and his Hellenistic Background.* Wiesbaden.
- Mejer, J. (2000) *Überlieferung der Philosophie im Altertum. Eine Einführung.* Kopenhagen.
- Millis, B. (2015) *Anaxandrides: Introduction, Translation, Commentary.* Heidelberg.
- Neumann, G. (1994) "Schiffahrt und Seehandel als Thema altgriechischer Personennamen," in: G. Neumann, *Ausgewählte kleine Schriften.* Innsbruck, 641–649.
- Olson, S.D. (2007) *Broken Laughter: Select Fragments of Greek Comedy.* Oxford, New York.
- Opelt, I. (1962) "Epitome," *RAC* V, 944–973.
- Page, D. (1978) *The Epigrams of Rufinus.* Cambridge.
- Papanastassiou, G.C. (1994) *Compléments au Dictionnaire étymologique du grec ancien de Pierre Chantraine (Α–Ω).* Thessalonique.
- Peremans, W., Van't Dack, E. (1953) "Questions de méthode dans la Prosopographia Ptolemaica," *Actes du deuxième Congrès international d'épigraphie grecque et latine, Paris 1952,* sous la dir. de L. Robert. Paris, 240–250.
- Polito, M. (2001) *Dagli scritti di Eraclide sulle costituzioni: un commento storico.* Napoli.
- Schneider, J.-P. (2000) "Héraclide Lembos," *DPhA* III, 568–571.
- Schorn, S. (2004) *Satyros aus Kallatis: Sammlung der Fragmente mit Kommentar.* Basel.
- Schorn, S. (2018) *Studien zur hellenistischen Biographie und Historiographie.* Berlin, Boston.
- Schrader, H. (1885) "Heraclidea. Ein Beitrag zur Beurteilung der schriftstellerischen Tätigkeit des älteren Pontikers Herakleides und des Herakleides Lembos," *Philologus* 44, 236–261.
- Schütrumpf, E. (2007) "The Origin of the Name of Rome – A Passage Wrongly Attributed to Heraclides Ponticus," *Philologus* 151, 160–161.
- Stemplinger, E. (1912) *Das Plagiat in der griechischen Literatur.* Leipzig, Berlin.
- Susemihl, F. (1891) *Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit,* I. Leipzig.
- Szemerényi, O. (1974) "The Origins of the Greek Lexicon: Ex Oriente Lux," *JHS* 94, 144–157.
- Unger, G.F. (1883) "Herakleides Pontikos der Kritiker," *RhM* 38, 481–506.

- Verhasselt, G. (2020) "Heraclides' Epitome of Aristotle's *Constitutions* and *Barbarian Customs*: Two Neglected Fragments," *CQ* 69, 672–683.
- Verhasselt, G. (2022) "Heraclides' Epitome of the Aristotelian *Athenaion Politeia*," *Our Beloved Polites: Studies Presented to P.J. Rhodes*, ed. by D. Leão, D. Ferreira, N. Simões Rodrigues, R. Morais. Oxford, 76–91.
- Wehrli, F. (1969) *Herakleides Pontikos*, 2. Aufl. Basel.
- Wehrli, F. (1978) *Sotion*. Basel, Stuttgart.
- Wehrli, F. (1983) "Der Peripatos bis zum Beginn der römischen Kaiserzeit," *Grundriss der Geschichte der Philosophie: Die Philosophie der Antike*, III, hrsg. von H. Flashar. Basel, Stuttgart, 459–599.
- White, S. (2021) *Diogenes Laertius, Lives of Eminent Philosophers*. Cambridge.
- von Wilamowitz-Moellendorff, U. (1881) *Antigonos von Karystos*. Berlin.
- Wölfflin, E. (1874) "Aurelius Victor," *RhM* 29, 282–308.
- Zaccaria, P. (2021) *Die Fragmente der griechischen Historiker Continued IV A, 5: The First Century BC and Hellenistic Authors of Uncertain Date [Nos. 1035–1045]*. Leiden, Boston, Köln.
- Zeller, E. (1879) *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, II, 2, 3. Aufl. Tübingen.
- Κουμανούδης, Σ.Ν. (1979) *Θηβαϊκή προσωπογραφία*. Αθήνα [Koumanoudis, S. N. (1979) *Thebaiki prosopografia*. Athens] (in Greek)

References in Russian:

- Dovatur, A. (1965) *Politika i politii Aristotelya* [Aristotle's *Politics* and *Constitutions*]. Moscow, Leningrad.
- Kisilier, M. (2007) "Peremeshchenie v vode v drevnegrecheskom yazyke" [Motion in a Liquid Medium in Ancient Greek], *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of Aquamotion: Lexical Typology], ed. by T.A. Maisak and E.V. Rakhilina. Moscow, 351–379.
- Solopova, M. (2008) "Heraclides Lembus," *Antichnaya filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [The Encyclopaedic Dictionary of Ancient Philosophy], ed. by M.A. Solopova. Moscow, 256–257.
- Zhmud, L. (2012) "Doksografiya v ee svyazi s drugimi zhanrami antichnoi istoriografii filosofii [Doxography in its Relationship to the Other Genres of the Ancient Historiography of Philosophy]," *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [History of Philosophy Yearbook] 2011. Moscow, 5–39.